

**ЧИТАЙТЕ
В СЕРИИ:**

Т. Кандаля
ШАССЕ-КРУАЗЕ

Л. Трахтенберг
**НА НАРАХ
С ДЯДЕЙ СЭМОМ**

К. Сапгир
ДВОР ЧУДЕС

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

МАКСИМ
МАТКОВСКИЙ

ПОПУГАЙ
В МЕДВЕЖЬЕЙ
БЕРЛОГЕ

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
МЗ4

Оформление серии – *Петр Петров*

В романе полностью приведено стихотворение Роберта Рождественского «Города» (с разрешения наследников).

Матковский, Максим Александрович.
МЗ4 Попугай в медвежьей берлоге / Максим Матковский. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 320 с. – (.RU_Современная проза русского зарубежья).

ISBN 978-5-699-86886-5

Что мы знаем об элите? Об интеллектуальной элите? Мы уверены, что эти люди – небожители, не ведающие проблем. А между тем бывает всякое. Герой романа «Попугай в медвежьей берлоге» – вундеркинд, двадцатиоднолетний преподаватель арабского языка в престижном университете и начинающий переводчик – ни с первого, ни со второго, ни с третьего взгляда не производит впечатления преуспевающего человека и тем более элиты. У него миллион проблем: молодость, бедность, патологическая боязнь красивых женщин... Ему бы хотелось быть кем-то другим! Но больше всего ему хотелось бы взорвать этот неудобный мир, в котором он чувствует себя таким нелепым, затюканным, одиноким и таким маленьким...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86886-5

© Матковский М., текст, 2016
© Рождественский Р. И., наследники, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Когда я поднялся к себе на этаж и увидел черный отпечаток ладони, то сразу все понял: меня подставили, сдали с потрохами, мне крышка, тайная полиция будет играть моей головой в футбол, сирийский СМЕРШ полакомится моим сердцем, а домой в деревянном ящике они пришлют мои глаза, уши и нос.

Интересно, что скажут родители? Интересно, узнает ли сестра два моих близоруких глаза, которые так часто тарачились на нее с ненавистью и презрением?! Узнает! Сестра схватит мое ухо и прокричит: «Доигрался, братик, доигрался?! Ну, и как тебе в аду?!»

Родителям сообщат: «Вашего сына казнили как шпиона. О да, вы многого не знали о собственном сыне, и, признаться, мы тоже не знали. Лэнгли взял его в оборот. Каков подлец, они обещали

ему тепленькое местечко и кинотеатр! Он, наверное, полагал, что сделан из титана, а не из мяса с костями, как мы с вами. Расскажите про его детство. Расскажите, чем он увлекался и какие книги читал? С кем он поддерживал контакт в последнее время? Кто был его другом? Кто был его врагом? Кого он ненавидел, а кого любил?.. Да, извините, мы понимаем, что вам тяжело, смерть сына — дело непростое. Но вы обязаны отвечать на наши вопросы, ведь именно вы воспитали предателя. Перебежчика! Откуда мы знаем, можно ли вам доверять? Сейчас вы поедете с нами, а дом ваш перевернут вверх дном. Собирайтесь! Дом ваш разберут по кирпичику, не сомневайтесь. К прежней жизни вы уже никогда не вернетесь. Итак, вопрос номер первый: на кого вы работаете?»

Да, они долго будут допрашивать родителей и всех тех, с кем я имел дело в последнее время. Секретное подземелье за Киевом — вот где проведут мои близкие остаток жизни.

И во всем виноват только я!

Черный отпечаток ладони на белой двери...

Дрожащей рукой я сунул ключ в замочную скважину, распахнул дверь и схватил на кухне мочалку с моющим средством. Я принялся тереть отпечаток изо всех сил, тер его и тер, а он не исчезал, тогда я попытался сорвать дверь с петель, плевать на соседей, пусть думают обо мне все, что хотят, пусть говорят: «Этот европеец-тихоня, проживающий в квартире напротив, окончательно рехнулся. Да

он сошел с ума. Тю-тю, мажнун!¹ Может, от жары? Европейцы не способны адаптироваться к нашему климату. У них, знаете ли, мозги плавятся от нашего солнца. Вытекают через уши. Или во всем виновата пустыня Отчаяния? Мы дремали дома и слышали шум. Этот агбаль² пытался выломать собственную открытую дверь. Он ее таки выломал и куда-то утащил.

Куда-то?!

Я хотел сжечь проклятую дверь! Но мне не удалось оторвать ее, и тогда в голову пришла гениальная мысль — закрасить или заклеить проклятый черный отпечаток.

Моя ладонь идеально подходила под отпечаток.

Они все продумали!

Я побежал на балкон, где хранился различный хозяйский инвентарь — от кальянов до лопат, и принялся искать, чем бы закрыть или замазать отпечаток. Но вместо инвентаря на балконе оказались банки с черной краской: открытые и закрытые, перевернутые и стоящие как надо, банки разных производителей, банки большие и маленькие. Пол балкона и стены были вымазаны черной краской! По всей квартире черные отпечатки моих ладоней!

И тут я услышал визг тормозов во дворе.

Осторожно выглянув через окно, я увидел, как из микроавтобуса выпрыгнули четыре человека

---

¹ М а ж н у н — сумасшедший (*араб.*).

² А г б а л ь — идиот (*араб.*).

в камуфляже, их лица скрывали маски. Три автомата Калашникова, пистолет Макарова.

А началось все вот с чего.

ГЛАВА 2

Студентки третьего курса Киевского института международных отношений обожали меня дразнить. Всю неделю они ходили в длинных строгих юбках, джинсах, брюках и закрытых блузках, но к моей лекции исправно надевали короткие, граничащие с безумием набедренные повязки, они обильно наносили косметику, они надевали бюстгальтеры пуш-ап и рассаживались на первом ряду просторного лекционного зала. Пока я разглагольствовал о доисламской арабской поэзии, пока я демонстрировал, каким образом древнеегипетские слова перекочевали в литературный арабский язык, пока я напоминал им, словно заповеди, формы глаголов — они хихикали, перекладывали ногу на ногу, загадочно перешептывались и подобоострастно называли меня по имени-отчеству. Хотя я и просил их называть меня просто по имени, я умолял их не прибегать к формальностям. Мы были одногодками, некоторые из них даже были старше меня. Так сложились обстоятельства, что уже в пятнадцать лет я поступил в Институт филологии на факультет арабского языка и литературы. А в двадцать один год, несмотря на праздные ша-

лости с подработками и немецкой философией, я этот институт успешно окончил и вышел со степенью магистра.

После окончания я почему-то не стал искать работу и сразу решил начать преподавательскую карьеру. Глупое, необдуманное решение. Тогда я боялся мира, боялся всего, что не умещалось на доске, боялся, что разношерстные диалекты предполагаемых работодателей обнулят мои шестилетние усилия.

Помню, как после церемонии вручения дипломов я встретил в коридоре заведующую кафедрой — коротко стриженную женщину с гоминидными чертами лица времен среднего палеолита. В темном длинном коридоре вы бы запросто приняли ее за орангутанга.

Да, в Институте филологии всегда царит мрак.

Конечно, я всю дорогу изображал из себя благополучного дурака, разумеется, я делал вид, что я ку-ку, что мне по барабану, корчил скучающие гримасы, не проявлял эмоций, наплевать! Мне лишь было важно, чтобы она подумала: «У этого парня будущее в кармане, у этого парня все схвачено, этот парень не пропадет, он — гений, он устроится переводчиком в нефтекомпанию и будет зашибать мясистые доллары. Ну у него и рожа, каков нахал — такой молодой, а уже пресытился!»

Почему я хотел, чтоб она так думала? А вы бы не хотели? Вы бы хотели выпустить наружу пресмыкающегося труса. Вы бы хотели выкинуть белое полотно после пяти лет упорного штудирования

и заявить: «Да, я учил арабский язык шесть лет... Знаю ли я арабский язык? Нет! Знает ли кто-нибудь арабский язык? Нет».

Даже самые дремучие арабисты не знают арабского языка. Владею ли я арабским языком? Нет. Даже в государственном университете Каира профессора и то не владеют арабским языком. Они переплыли озеро, браво! А арабский язык — это океан океанов. Я перешагнул лужу, браво, но вряд ли смогу переплыть озеро. А на работе, настоящей работе, где необходимо переводить документы и общаться с носителями языка, от меня потребуют переплыть озеро. И я утону. Пойду ко дну, как кирпич.

Поэтому помогите мне и спасите, Лариса Дмитриевна.

Чем занимался я шесть лет и почему оказался не подготовленным к плаванию, хоть и был одним из лучших на курсе? Да что там на курсе... именно я написал работу «Происхождение древних названий арабского оружия и их использование в классической арабской поэзии»! Да-да, бесполезный кропотливый труд, который восхваляла местная профессура, написавшая сотни таких же бесполезных, неприменимых на практике, пыльных трудов! Конечно, я мог набить шишки на работе, я мог биться лбом хоть каждый день и через годок-другой стал бы профессионалом.

Но я был трусом и боялся.

— Здравствуйте, Лариса Дмитриевна, — сказал я безразличным голосом (так говорят крутые герои из вестернов). — У вас есть свободная минута, ага?

— Ты уже нашел работу? — перешла она сразу к делу. Кажется, она учуяла паленый запах моей трусливой филологической шкуры.

— Да, — ответил я. — Уже давно работаю.

— Отлично, — сказала она. — Где?

— В одной компании... Нефтедобыча, договоры, контракты, командировки... работы по горло...

— Вот и хорошо, — сказала она. — Не забывай про нас, навещай хоть раз в год.

Заведующая кафедрой Ближнего Востока повернулась и зашагала прочь по темному коридору, за ней тянулась длинная тень. Тень эта могла распахнуть предо мной двери в офисный ад менеджеров и сатанинских телефонных трелей. «Алло?! Купите, пожалуйста! Алло, продайте, пожалуйста! Пошли пить латте с круассанами, пошли курить! Директор козел! Когда аванс? Ну и напились на корпоративе!»

Помню свой слабый, буквально молящий о спасении голос. О нет, от бравады моей и следа не осталось!

— Лариса Дмитриевна... — Жалобное бляение. Ни намек на апломб.

Она не остановилась и повернула за угол.

Как я бежал! Вы бы видели это трусливое непрактичное существо, эту филологическую макаку, нищего в погоне за скоростным поездом.

— Лариса Дмитриевна! — пищал я.

Она стояла возле кофейного автомата и закидывала в него блестящие золотые монетки. Автомат недовольно урчал и тарахтел, автомат стал свиде-

телем моего унижения. Почему в коридорах университета так темно? Почему Лариса Дмитриевна не поворачивается ко мне? Почему люди, попадая в Институт филологии, становятся похожими на карликовых бонобо и сутулых шимпанзе и обрюзгших горилл?!

Она порылась в карманах.

— Я хотел у вас поинтересоваться... — сказал я (идиотское слово «поинтересоваться», так говорят только бесхребетные тряпки, люди дела говорят «спросить» или «узнать»... Люди дела говорят: «Я приказываю! Я настаиваю! Ну-ка, быстро, всё сюда мне, и сразу! Но я не человек дела, я человек учебников и доски).

— У тебя не будет пятидесяти копеек? — спросила она.

Я лихорадочно, точно мультипликационный персонаж, порылся в узких карманах, подпрыгнул на месте, и на мраморный пол из меня посыпалась мелочь. Однорукий бандит, ты проиграл!

— Да-да, сейчас-сейчас, — ответил я, собирая мелочь.

— Или две по пятьдесят, — поправилась она.

Две монеты для моих глаз.

Наконец, я протянул ей мелочь. Она опустила монеты в автомат и нажала кнопки. Автомат заурчал еще громче, затрясся, завибрировал, запыхтел.

— Что ты хотел?

— Я хотел поинтересоваться...

— Говори.

— Есть ли свободное место на кафедре?

— У тебя же работа? Зачем тебе кафедра? Моя дочка не хочет работать на кафедре и в аспирантуру поступать не хочет. Она говорит: «Мама, я лучше пойду на нормальную работу...»

(Мама! Будьте моей мамой!)

— Ну, я собрался уходить с работы.

— Почему? — Она окинула меня взглядом, в котором было одновременно и любопытство, и омерзение, словно я болен лепрой.

— Хочу преподавать...

— Могу дать полставки. Больше не получится. Больше не могу.

— Полставки? Да, конечно, я согласен. Спасибо вам бо...

Но она уже не слышала мой близкий к религиозному лепет, она не видела, как из моих глаз брызнули слезы. Слезы труса и слезы филолога.

ГЛАВА 3

Киевский институт международных отношений (КИМО) находится недалеко от станции метро «Лукьяновская». В десяти минутах ходьбы. Мне дали четыре лекции, одну — на третьем курсе, и три — на первом. До работы я добирался на метро, первая пара начиналась в восемь утра. По утрам меня постоянно тошнило. Это не болезнь, не язва и не последствия бурных ночных возлияний. Просто у моего организма аллергия на слишком раннее

утро. Я человек ночи, обожаю ночь, обожаю засиживаться допоздна, до часу, до двух, до трех, до четырех, иногда могу и не спать вовсе. Ночью тебя никто не трогает, ночью нет посторонних шумов, ночью ты предоставлен самому себе, и, пока люди спят, ты можешь сесть и поразмыслить, что же происходит на самом деле.

Проблема в том, что совы не умеют строить гнезда. Они селятся в дуплах или приспосабливаются к чужим гнездам.

Мои рвотные позывы давали о себе знать сразу, как только я выходил из метро. Иногда мне удавалось их сдерживать, а иногда я, невзирая на людей, ставил дешевенький дерматиновый портфельчик на асфальт, сгибался, чтоб не заляпать одежду, и блевал себе потихоньку, стараясь не издавать слишком громких звуков. Прохожие настороженно косились на меня и отворачивались. Омерзительное чувство наступает после рвоты — жить не хочется, не то что идти на работу и преподавать.

Чем славится КИМО в первую очередь? А тем, что в КИМО невозможно поступить без связей и денег. Вы скажете: тоже мне новость, сейчас так во всех вузах, и отчасти я с вами соглашусь. Госпожа Коррупция в кожаном черном плаще времени зря не теряет. Но КИМО — это нечто особенное, вы уж поверьте. В этот вуз простых смертных не пускают. Выйди в коридор и возьми ты наугад любую животину за шкурку — она точно окажется или дочерью депутата, или сыном

влиятельного бизнесмена, или племянницей какой-нибудь знаменитой певички эстрады. Вместо тысячи слов стоит лишь взглянуть на парковку института: парковка могла бы легко конкурировать с любой европейской выставкой автомобилей, тут тебе и «Хаммеры», тут тебе и новенькие «мерсы» с «бэхами», тут тебе и кабриолеты, и джипы, и все что угодно. Иногда студенты приезжают на таких футуристических машинах, что прохожие толпятся в очереди, чтоб сфотографироваться. Ходят слухи, будто в КИМО набирают какой-то небольшой процент гениев и будто бы гении эти, одаренные абитуриенты, проходят своими силами. Ходят сплетни, будто бы это такое правило. Пунктик, так сказать... Но где гарантии, что одаренный абитуриент не может быть чадом миллиардеров или видных дипломатов? Я лично не верю в чудеса, вернее, верю, но только в те, что происходят в параллельных вселенных.

Только я переступил порог КИМО, как тут же возненавидел это здание, и дело не в том, что я оказался паршивой овцой в стаде избранных, нет, вовсе не в этом! Я возненавидел само здание: его холодную архитектуру, широкие лестничные пролеты, маленькие прокуренные туалетики, высоченные потолки, фаллические колонны, блики мраморных стен. Такие здания я часто вижу во снах про то, как я ищу какой-то кабинет, где у меня важная встреча, а время заканчивается, и я опаздываю, и время уже закончилось, а я все равно ищу нужный кабинет и блуждаю, блуждаю по ка-